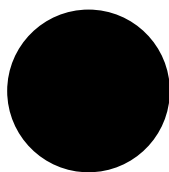

ОНОРЕ
ДЕ БАЛЬЗАК

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК

ОЗОРНЫЕ РАССКАЗЫ

все три десятка

Издательство АСТ
Москва

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ИЗДАТЕЛЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Издатель не рискнул бы опубликовать эту книгу, не будь она произведением искусства в полном смысле этого слова — слова, которое в наши дни стало слишком расхожим. Однако он счёл, что добросовестные критики и искушённые читатели, взяв в руки «Сто озорных рассказов», вспомнят широко известные прецеденты, оправдывающие сие смелое предприятие, коего дерзость и чреватость опасностями автор его полностью сознавал.

Тот, кому ещё дорога литература, не отречётся от королевы Наваррской, Боккаччо, Рабле, Ариосто, Вервиля и Лафонтена — редких для нового времени гениев, каждый из которых за вычетом сцены стоил Мольера. Вместо того чтобы живописать чувства, большинство из них воссоздавало эпоху: и потому, чем ближе тот час, когда литература умрёт, тем больше мы ценим эти старые книги, позволяющие вдохнуть свежий аромат простодушия, пронизанные смехом, коего лишён современный театр, называющие вещи своими именами, написанные языком живым и терпким, прибегают к которому сейчас уже никто не осмеливается даже в мыслях.

Понимание — вот чего ждёт рассказчик, который не то чтобы считает себя наследником основоположников, но всего лишь идёт по пути, уже пройденному и, казалось бы, закрытому прекрасными гениями, пути, успех на котором стал как будто невозможен в тот день, когда наш язык утратил свою первозданную наивность. Мог ли Лафонтен написать «Влюблённую куртизанку» в стиле Ж.-Ж. Руссо? Издатель позаимствовал эту ремарку у автора, дабы оправдать вышедшие из употребления обороты, используемые

в этих рассказах: ко всем препятствиям, мешавшим осуществлению своего замысла, писатель добавил ещё и непопулярный стиль.

Во Франции многие сейчас страдают от англицизмов и жаргона, на который часто сетовал лорд Байрон. Эти люди, краснеющие от милых откровенностей, которые в прошлом заставляли смеяться принцесс и королей, облачили в траур нашу древнюю физиономию и убедили самый весёлый и остроумный народ в мире, что смеяться подобает лишь благопристойно, прячась за веером, они забыли о том, что смех как дитя малое, которое бесстрашно играет с тиарами, мечами и коронами.

При подобных нравах только талант может спасти от наказания автора «Озорных рассказов», однако, не желая всё же рисковать, он осмелился представить на суд публики лишь первые десять рассказов. Мы же, преисполненные глубокой веры в читателя и автора, надеемся в скором времени выпустить ещё десять, ибо не боимся ни книги, ни упрёков.

И почему мы поносим в литературе то, что заслужило признание на художественных выставках, — поиски Делакруа, Девериа, Шенавара и многих великих художников Средних веков? Если мы признаём живопись, витражи, мебель и скульптуру эпохи Возрождения, то почему надо объявлять вне закона весёлые новеллы, смешные стихи и сказки?

Дебют этой музыки, ничуть не озабоченной своей наготой, нуждается в горячих защитниках и доброжелательной поддержке, и, может статься, таковые найдутся среди людей, чей вкус и порядочность не вызывают сомнений.

Издатель почёл своим долгом дать это предупреждение всему свету. Что касается оправданий авторских, то они являются неотъемлемой частью его книги.

Март 1832 года

Мы посчитали необходимым воспроизвести здесь предисловие, которым автор, назвавшись издателем, предварил первое издание первого десятка озорных рассказов. В нём он чётко сформулировал собственный взгляд на нравственное значение своего сочинения. При всем известной высокодуховности, присущей его идеям и произведениям, автор «Человеческой комедии» подозревал, что на книгу, которую он считал своим

шедевром, обрушится фарисейская критика, и, как видим, ответил на неё заранее, и этот глубокий по смыслу и ясный по форме ответ проливает свет и исключает всяческие споры.

Книга Бальзака на самом деле не просто произведение искусства в духе Дон Жуана, Пантагрюэля, поэм Пульчи и тому подобных книг, украшающих библиотеки самых строгих ценителей литературы, она, и не надо об этом забывать, есть продукт литературной археологии. В эпоху, ставшую эпохой обновления и которую историки литературы ещё будут порицать, молодой горячий Бальзак, достигший того возраста, когда одарённые буйной фантазией люди пьянеют от самих себя и, словно вакханки, наслаждаются собственными дарованиями, Бальзаку захотелось воскресить язык и дух прошлого. Он подражает Рабле, как иные подражали Ронсару, и пишет «Озорные рассказы» на чудесном языке шестнадцатого столетия — языке роскошном, насыщенном, свежем и лучезарном, освещающем мрак, подобно Авроре Корреджо, поднимающейся над чашей священного леса!

Таков был замысел Бальзака, и таково его произведение. Это добросовестные литературные раскопки, лишённые любых макиавеллиевских уловок, к которым прибегают литературные мистификаторы типа макферсонов, чаттертонов и многие другие. Бальзак в один прекрасный день решил, что было бы хорошо, либо для услаждения собственного его ума, либо в более широких и возвышенных интересах, пойти по пути подражания образцам, от которых в последнее время отвернулись, возможно, слишком резко; и оказалось, что этот великий словесник, любивший французский язык, как родную мать, создал такое чудесное подражание, что оно стоит дороже иного оригинального произведения. Этого художника влекла лишь красота, он, подобно античному бегуну, гнался за нею с факелом в руках и наполнил опустевшие матрицы Рабле, Монтеня и Ренье своей молодой, бурлящей гением кровью и напоил их своими жизненными соками. Все, кто любит его гений как таковой, все, кто любит наслаждение, которое он нам дарит, и, наконец, все, кто ценит его за услуги, оказанные языку и литературной форме, не в силах предать забвению «Озорные рассказы», и именно поэтому мы предлагаем читателю их новое издание.

Первое издание показалось нам неполным и недостойным гения их автора, который, повторяем, ценил свои «Озорные рассказы» и любил их как шедевр, который стоил ему наибольших трудов. Оно показалось нам недостойным как огромного числа почитателей этого произведения, так и его славы. Сочинение, стоящее в стороне от «Человеческой комедии», сочинение исключительное, требовало особого подхода, и нам захотелось, чтобы ларчик был достоин жемчужины, и ради этого мы были готовы на всё. Молодой художник, такой же в своём деле изобретатель, каким был изобретатель «Озорных рассказов», господин Гюстав Доре, вдохновлённый Бальзаком так же, как Бальзак вдохновился примером Рабле и Боккаччо, придал в свою очередь новую форму «Озорным рассказам», форму пластическую, которая облекает в зримые образы картины, созданные словом. Иллюстрации, это украшение книг, сообщат новому изданию всю свою роскошь и будут содействовать её новому успеху.

Август 1855 года

ПЕРВЫЙ ДЕСЯТОК

ПРОЛОГ

Сие есть книга высокого варения, полная утех тонких и приправ пряных, приуготовленная для тех досточтимых венериков и достославных пьяниц, к коим обращался наш высокоуважаемый единокоренный и вечная слава Турени — Франсуа Рабле. Не сказать, чтобы автору в самомнении его мало быть добрым туренцем и смешить отъявленных сластолюбцев сего милого тучного края, богатого на рогоносцев, проказников и шутников, как никакая другая земля, — края, одарившего Францию знаменитостями вроде покойного остроуслова Курье, Вервиля, сочинившего «Способ выйти в люди», и многих иных не менее известных личностей, из списка коих мы вычеркнули Декарта ввиду насупистости оногo и за то, что он восславлял пустопорожние мечтания, а не вино и лакомства. Любомудра сего все пирожники и мясники Тура чураются, как огня, знать его не хотят и слышать о нём не желают, а коли всё же услышат его имя, вопрошают: «А он из каких краёв?» Так вот, книга сия есть продукт весёлого досуга добрых старых монахов, которые ещё обретаются кое-где по соседству с Туром, скажем, в Гренадьере-ле-Сен-Сир, Саше, Азе-ле-Риделе, Мармустье, Верете и Рошкорбоне. Дряхлые каноники и дерзкие жёны, знававшие ещё то славное времечко, когда можно было хохотать без оглядки и не боясь лопнуть, — это чистый кладезь прелестных историй. Нынче же дамы смеются украдкой, что подходит нашей жизнерадостной Франции, как корове седло, а королеве маслoбойка. А поскольку смех — это привилегия, дарованная свыше только человеку, коему хватает поводов для слёз из-за

разных политических свобод, чтобы вдобавок ещё и над книжками плакать, я решил, что будет чертовски патриотичным выпустить в свет толику весёлостей тогда, когда скука льётся на нас мелким ситничком и не только пронизывает нас до мозга костей, но и растворяет наши древние обычаи, согласно коим смех является увеселением народным. Увы, мало осталось тех старых пантагрюэлистов, кои предоставляли Богу и королю делать своё дело и, довольствуясь смехом, не слишком-то докучали своей пастве, теперь их не сыщешь днём с огнём, так что я вельми опасаюсь, что сии почтенные фрагменты старых настольных книг будут освистаны, ошиканы, охаяны, опорочены и осуждены, что меня отнюдь не позабавит, ибо я питаю и всячески выказываю огромное почтение к нашим добрым галльским насмешникам.

Знайте же, злобные критиканы, белибердоносцы и гарпии, вы, втаптывающие в грязь находки и выдумки всех и каждого, мы смеёмся только в детстве, и чем мы старше, тем реже звучит наш смех: он затухает и хиреет, словно огонёк в лампаде. Сие означает, что, дабы смеяться, надобно быть невинным и чистым душою, в противном случае вы кривите рот, кусаете губы и хмурите брови, как всякий, кто пытается скрыть свои пороки и нечистые помыслы. Посему смотрите на это сочинение как на статую или группу статуй, некоторые особенности коих художник никак не может скрыть, и был бы он дурак дураком, коли заменил бы их фиговыми листочками, ибо подобные изваяния, как и эта книга, для монастырей не предназначены. Однако же я хоть и с отвращением великим, но позаботился о том, чтобы выполоть из рукописей старые и уже мало кому понятные слова, которые могли бы поранить уши, ослепить глаза, вогнать в краску щеки и порвать уста девственниц с гульфиками и целомудренных при трёх любовниках особ, ибо подобает всячески подстраиваться под пороки своего времени, а иносказание гораздо галантнее слова! Надобно признать, мы стары и посему находим, что длиннющие околесины лучше коротких безумств нашей юности, хотя они услаждали нас дольше и больше. Следовательно, избавьте меня от вашего злословья и, дабы книга моя дала жару, читайте её не днём, а на ночь, и, главное, не давайте её девственницам, ежели паче чаяния

таковые ещё где-то обретаются. Оставляю вас с ней наедине, вовсе за неё не опасаясь, ибо она родом из благодатного края — всё, что вышло из него, имело большой успех. Это доказывают королевские ордена Золотого Руна, Духа Святого, Подвязки, Бани и многие другие примечательные штуковины, коими наградили тех, в чьей тени я скромно прячусь.

Итак, милые мои, развлекайтесь и — телу во здравие, чреслам на пользу — веселитесь, читая мою книгу, и чума вас возьми, коли, всё прочитав, вы не помянете меня добрым словом. Слова эти принадлежат нашему доброму учителю Рабле, царю здравомыслия и комедии, перед которым мы все должны снять шляпу в знак почтения и признательности.

КРАСАВИЦА ИМПЕРИА

Отправляясь на Констанцкий собор, архиепископ города Бордо принял в свиту свою турецкого священника — прелестного обхождением и речами юношу, который считался сыном куртизанки и некоего губернатора. Епископ Турский с охотою уступил юношу своему другу, когда тот через город Тур следовал, ибо архипастыри привыкли оказывать друг другу подобные услуги, ведая, как досадить может богословский зуд. Итак, молодой священнослужитель прибыл в Констанц и поселился в доме у своего прелата, мужа преучёного и строгих правил.

Наш священник, прозывавшийся Филиппом де Мала, положил вести себя добронравно и со всем тщанием служить своему попечителю, но вскоре увидел он, что многие, прибывшие на славный собор, самую рассеянную жизнь вели, за что не только индульгенций не лишались, а даже более их имели, нежели иные разумные добропорядочные люди, а сверх того достаивались ещё и золотых монет и прочих доходов. И вот как-то в ночь, роковую для добродетели нашего монаха, дьявол тихохонько шепнул ему на ухо, чтобы он от благ земных не отвращался, ибо каждый да черпает в неоскудеваемом лоне святой нашей матери церкви, и таковое неоскудение есть чудо, доказывающее наивернейшим образом бытие Божие. Наш священник внял советам дьявола. И тут же порешил обойти все констанцские кабачки, всех немецких удовольствий испробовать даром, если представится случай, ибо у него за душой не было ни гроша. А так как до той поры Филипп был поведения скромного, во всём следуя престарелому своему пастырю, который — не по доброй воле,

а по немощи своей — плотского греха чурался и даже через это прослыл святым, наш юноша часто терзался жгучим вожделением и впадал в великое уныние. Причиной тому было множество прелестных полнотелых красоток, весьма, впрочем, к бедному люду суровых и обитавших в Констанце ради просветления умов святых отцов, участников Собора. И тем сильнее распаялся Филипп, что не знал, как подступиться к сим роскошным павам, кои помыкали кардиналами, аббатами, аудиторами, римскими легатами, епископами, герцогами и маркграфами разными, словно самой последней церковной братией. Прочитав вечернюю молитву, юноша твердил мысленно разные нежные слова, предназначенные для прелестниц, упражняясь в пресладостном молитвословии любви. Тем самым подготавливался он ко всем возможным случаям. А на следующий день, если он, направляясь ко всенощной, встречал какую-либо из этих принцесс, прекрасную собою, надменно возлежащую на подушках в своих носилках, в сопровождении горделивых пажей при оружии, он останавливался, разиня рот, словно пес, нацелившийся на муху. И от созерцания холодного лица красавицы его ещё пуше бросало в жар.

Секретарь епископа, дворянин из Перигора, как-то раз поведал ему, что все эти святые отцы, прокуроры и аудиторы римские, желая попасть в дом к такой красотке, весьма щедро одаряют её, и отнюдь не святыми реликвиями и индульгенциями, а напротив того — драгоценными камнями и золотом, ибо тех кошечек соборные вельможи лелеют и оказывают им высокое покровительство. Тогда наш бедный туренец, как ни был он прост и робок, стал припрятывать под матрац жалкие свои гроши, получаемые от епископа за то, что перебелил его бумаги, в надежде, что со временем соберётся у него довольно денег, дабы хоть издали взглянуть на кардинальскую наложницу, а далее он уповал на милость Божию. И, будучи сущим младенцем по разуму, он столько же сходствовал с мужчиною, сколько коза в ночном мраке похожа на девицу. Однако, влекомый желанием своим, бродил он вечерами по улицам Констанца, нимало об опасностях не помышляя, ни даже о мечях грозной стражи, и дерзко выслеживал святых отцов, когда они к любовницам своим пробирались. И тут он видел, как зажигались в доме огни,